

ИЗЪ ПОХОДНАГО

ЖУРНАЛА.

(Продолженіе¹⁾.)

30-го іюня. Переночевали у К., но спать пришлось мало: съ вечера заболтались за полночь, а встають они «съ пѣтухами». Всякій разъ, какъ приѣзжаю въ №-й полкъ, офицеры допрашиваютъ меня и осаждаютъ вопросами: что новаго? Я рассказываю имъ, что знаю изъ телеграмъ, что слышно въ Штабѣ, но удовлетворяю тѣмъ только ихъ любопытство, не разрѣшаю того истиннаго, единаго вопроса, который ихъ интересуеть. Это спрашивается только: «что новенькаго», и рѣдко, когда за этимъ банальнымъ вопросомъ не скрывается какой либо другой серьезный и тревожный, который не хочется прямо задѣть. Меня спрашиваютъ: «что новенькаго, а я слышу: «война или миръ»?

Но что я могъ сказать офицерамъ?—Только то-же, что знаетъ каждый, умѣющій читать телеграммы... И самъ я тоже говорю имъ «что новенькаго»? и разгадываю по отвѣтамъ, какой у нихъ духъ?

Сегодня новаго на эту тему ничего не запишу,—въ тѣхъ офицерахъ №-го полка, которыхъ я постоянно вижу съ К., слышится неизмѣнно все одинъ и тотъ же тонъ: ни къ миру, ни къ войнѣ не стремятся, а претерпѣть готовы. К. говоритъ, что за солдатъ онъ совершенно спокоенъ. Дай Богъ!—только знаю я, до чего трудна задача проникнуть въ тайны солдатскихъ думъ и какъ рискованно слѣпо на нихъ полагаться. Но, впрочемъ,—быть можетъ именно

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1908 г., № 6.

здѣсь въ 10-мъ корпусѣ духъ иной, чѣмъ во многихъ частяхъ. Здѣсь столько разумной заботы о солдатѣ, что, не вглядываясь даже, и только мимоходомъ — вотъ такъ же, какъ сегодня мы гуляли вдоль бивака, на каждомъ шагѣ замѣчаешь что нибудь новое, практичное и безусловно цѣнное въ солдатскомъ обиходѣ.

Палатки на №-мъ бивакѣ сшиты двойными рядами полотнищъ и поставлены на высокихъ кольяхъ большими двухскатными шатрами, каждый на взводъ. Передъ фронтомъ бивака разбита площадка со скамейками въ кружокъ для «посидѣлокъ», вокругъ шатровъ мѣстами посѣянъ и поднятъ гаолянъ и кукуруза, въ прогалинахъ между рядами шатровъ виднѣются высокіе шалаши изъ вѣтвей — это души для купанья. Повсюду на бивакахъ китайцы торгуютъ «хлѣбчиками», деруть съ солдатъ по 25 копѣекъ и тутъ же дѣлаютъ тайныя развѣдки. Въ 10 корпусѣ въ каждомъ полку пекутъ отличные «хлѣбчики» и *продаютъ* солдатамъ по гривенику, да пекутъ еще на продажу солдатамъ пироги съ мясомъ и рисомъ, такіе, что, по военнымъ обстоятельствамъ, разбираютъ и господа офицеры. У нихъ и лапша, и галушки, и знаменитый «саладъ Оливье» — и въ результатѣ, на второй годъ войны, не смотря на эпидемію, больныхъ гораздо меньше, чѣмъ было въ іюнѣ прошлаго года.

Утромъ мы гуляли съ К. мимо бивака и прошли между двумя редутами внизъ подъ позицію. Тамъ тоже всякій разъ увидишь что нибудь новое. Сегодня, напримѣръ, наткнулись на проволоку, идущую изъ редута куда-то впередъ по землѣ, безъ изоляціи.

— Что это?

Оказывается звонокъ отъ секрета въ редутъ. Для самого секрета уже готово потайное мѣстечко глубоко въ землѣ, вблизи отъ путей, со всякимъ укрытіемъ.

Мы говорили съ К., между прочимъ, о постановкѣ занятій въ мирное время и сопоставили, смѣясь надъ этимъ, значеніе телефоновъ для связи и наше привычное къ нимъ отношеніе; теперь мы не можемъ допустить мысли, чтобы рота въ сторожевомъ охраненіи, баталіонъ на укрѣпленной позиціи — не имѣли телефона, а въ мирное время, при всѣхъ наличныхъ средствахъ, мы до сихъ поръ не связали телефономъ отдѣльные флигеля полковыхъ казармъ, или постройки лагеря. Говорили мы и о томъ, я отмѣчу только наши выводы, что послѣ войны надо будетъ покончить съ росписаніями

по часамъ полевыхъ занятій, и наше наивное теперь «отъ 3-хъ до 5-ти— тактическія одностороннія ротныя ученія на Мокотовскомъ полѣ» придется замѣнить совершенно инымъ указаніемъ: «двухстороннія ротныя тактическія ученія съ такого-то часа дня или ночи на участкахъ къ югу отъ Варшавы по взаимному соглашенію гг. ротныхъ командировъ», да еще при непремѣнномъ условіи развода сторонъ на 4 версты. Боевыхъ ротныхъ ученій не можетъ быть больше одного въ сутки, но продолжительность ихъ зависитъ только отъ командира и едва ли можетъ быть менѣе 3—4 часовъ. Сторожевая служба будетъ проходиться почти исключительно ночью, съ патронами, съ засадами, вылазками, окопами на заставахъ, лагучиками и цѣлыми ночами напролетъ.

Служить будетъ труднѣе,—но пора, господа, взяться за умъ.— Или не служить, или дѣлать дѣло, а «отбывать номера», пора перестать, очень ужъ дорого обходится.

Видѣли мы и еще одно невовведенъице на позиціи, но этого ужъ кажется лучше было бы не дѣлать. *Около редута* на столбѣ прибита дощечка съ тщательно вырѣзанной и зачерненной надписью:

«N—скаго полка.

Участокъ № 1.

Начальникъ участка.

Подполковникъ N».

Полезное значеніе такого объявленія трудно понять и вѣрнѣе всего, что это несимпатичный пріемъ контрольнаго характера въ духѣ «эту печку топить Нестеренко» (а подать, молъ, сюда этого самого Нестеренку). Но вредное и опасное значеніе такая дощечка выѣтъ несомнѣнно: чудная справка для шпіона, а при случаѣ даже и вещественное доказательство. Но этому—осторожности и скрытности—мы не научимся никогда,—такова ужъ натура.

Пообѣдавъ у К., я поѣхалъ одинъ за 7 верстъ въ д. Хошентунъ, взявъ направленіе на шаръ и запасшись уже по телефону любезнымъ согласіемъ командира «воздухоплавательной роты» — подполковника В. М. Н. — поднять меня «въ сіянье голубого дня».

Шаръ уже стоялъ наполненный, за высокой могильной рошцей, въ затишьи отъ вѣтерка, блестящій, прозрачно желтый и раскаленный жарой. Къ 5-ти часамъ все было готово, подведена и

подѣплена корзина, люди стояли кружкомъ, держась за оттяжки, шаль отвели на полянку, подѣхала лебедка, и оставалось только сказать, «ѣхать такъ ѣхать...» Хозяева едва ли замѣтили, что я былъ немножко подѣ впечатлѣніемъ предстоящаго путешествія, но самъ я въ этомъ долженъ признаться. Какъ никакъ, а все-таки жутко: поднимаются они на своихъ шарахъ такъ же спокойно, какъ какъ всѣ мы переѣзжаемъ, на примѣръ, черезъ Неву на пароходѣ, но слишкомъ ужъ трагична исторія воздухоплаванія,—такъ и мерещатся разныя «драмы въ воздухѣ». Да и канатикъ толщиной въ палецъ, на видъ такая нитка, что трудно въ него вѣрять...

В. М. Н. поднимался вмѣстѣ со мной.

Первое впечатлѣніе—неожиданная быстрота, съ какою при самомъ медленномъ подъемѣ расширяется кругозоръ. Я не далъ еще себѣ отчета въ томъ, что случилось, какъ подѣ нами уже открылись въ планѣ биваки, рѣка, деревни; дороги и тропинки обрисовались рѣзко, какъ бѣлыя полосы по раскрашенному плану, люди становились все меньше, и только что окружавшая насъ команда стала горсточкой букашекъ.

Шаръ поднимался ровно, плавно, безъ качаній и вздрагиваній, и только корзина мягко скрипѣла. Черезъ минуту мы уже были около 200 метровъ надъ землей. Единственное физическое ощущеніе—небольшое давленіе въ ушахъ и глухота.

Шаръ остановился, совершенно твердо, не вертясь и не качаясь. Наблюдать было такъ же удобно, какъ съ башни въ 200 метровъ. Мы осмотрѣли по плану. Вся земля представлялась намъ илюминированнымъ планомъ громаднаго масштаба, съ чудно вырисованными пашнями цвѣтными полосками, и разсматриваніе ея по картѣ мнѣ показалось очень похожимъ на сравненіе двухъ плановъ разнаго масштаба. Баміенченъ въ 7-ми верстахъ былъ видѣнъ, какъ городъ, Маймайка въ верстахъ въ 30-ти видѣлся сѣрой массой, далеко на западѣ вырисовывались, вѣроятно въ 100 — 200 верстахъ отъ насъ, двѣ громадныя сѣрыя сопки.

Я страшно люблю высоту, и, будь это башня, я просидѣлъ бы на ней до заката, вглядываясь въ каждую точку. Но долго любоваться изъ этой корзиночки, висящей въ воздухѣ на 200 метровъ, не было ни малѣйшей охоты, — надо въ этомъ сознаться.

Я объяснился тѣмъ, что мнѣ далеко еще ѣхать, и почувствовалъ отраду, когда В. М. приказалъ по телефону начать опускать. Лебедка поѣхала по полю, наматывая канатъ, шаръ немножко покачивало, онъ опускался, быстро сходясь со своею тѣнью, и земля также быстро теперь приближалась, уменьшаясь въ кругозорѣ, какъ уходила, расширяясь, при подъемѣ. Казалось, что еще было очень высоко, когда люди уже схватили шаръ за оттяжки и потянули руками, они же подхватили на руки корзину и мягко опустили на землю. Я не торопился выскочить, но сталъ на землю не безъ удовольствія...

Въ концѣ концовъ, никакихъ «особыхъ» впечатлѣній и убѣжденіе только лишній разъ въ томъ, что все неизвѣданное намъ кажется заманчивѣй, пока не испытаешь. Такою въ дѣтствѣ казалась самостоятельность и свобода со всѣми ея правами извѣдываній, такою казалась война, такимъ же, чѣмъ то необычайнымъ, казался подъемъ на шаръ. Извѣданнаго въ жизни все больше и больше, заманчиваго новизной все меньше, и истинно манить все сильнѣе—самое простое тихое, скромное, *земное* счастье...

Въ 7 часовъ, заѣхавъ попрощаться съ К. и повидавшись у него же съ Кукко, я выѣхалъ домой. И снова былъ дивный вечеръ, такая же ясная, лунная ночь, опять мы держали путь прямою дорогой на «Орла» или «Дельфина» и гнали лошадей хорошими ходами. Въ 10 часовъ я былъ дома. Однако, 40 верстъ за сегодняшніе переѣзды дали себя знать, и нельзя сказать, чтобы я «пришелъ довольно свѣжимъ».

3-го *юля*. Опять нездоровится и весь день перемогаюсь. Тяжело какъ-то, нудно. Погода такая же. Въ штабѣ мертвая тишина. Командующій раннимъ утромъ уѣхалъ въ Гунжулинъ. Съ позицій ни звука. Изъ телеграмъ узнали, что С. Ю. Витте назначенъ вмѣсто Муравьева уполномоченнымъ Россіи въ Вашингтонъ; истолковали это себѣ какъ признакъ, что правительство окончательно рѣшилось на миръ и хочетъ говорить не шутя, а серьезно, и притихли еще больше. Мысль о возвращеніи послѣ позорнаго мира искренне всѣхъ тяготитъ. Постоянно слышится: какъ-то насъ встрѣтятъ? Мнѣ кажется, что многіе будутъ стараться выйти изъ службы.

5-го *юля*. Теперь въ періодъ полнѣйшаго затишья, между нами, сожителями по кумирнѣ, все чаще заходятъ разговоры на темы о причинахъ пораженій. Причинъ этихъ, конечно, не мало, такъ и

перебираемъ ихъ одну за одной. Но одною изъ главныхъ я лично считаю крайнюю недоброкачественность запаснаго солдата изъ запаса Европейской Россіи. О типѣ этомъ я много и рѣзко писалъ въ дневникахъ, мелькомъ же, послѣ встрѣчи съ запаснымъ сводно-гвардейцемъ писалъ и о томъ, кто виноватъ въ этомъ горѣ: военная школа или деревня. Сегодня мы обсуждали именно этотъ вопросъ, и я запишу свой отвѣтъ коротко, почти безъ доводовъ, только чтобы намѣтить имъ программу большого отвѣта, какой послѣ войны можетъ придется внести въ общіе споры.

— Виноватъ не строй и не военная школа, она превращаетъ мужика въ твердаго солдата, и солдатъ этотъ, не успѣвшій до войны побывать снова въ мужикахъ, т. е. солдатъ «дѣйствительный», «подзнаменный» держался и показалъ себя на войнѣ превосходно. Скомпрометировалъ себя солдатъ запасный, котораго въ два-три года деревня снова превращала въ разнузданнаго мужика, мертваго духомъ и враждебнаго всякому порядку. На вопросъ: кто виноватъ? безсильная ли закалить по самую смерть военная школа, или развратная, бѣдная, пьяная, темная и беспорядочная деревня и босяцкая отхожая жизнь,—я отвѣчаю оправданіемъ арміи. И напрасно такъ легко бросаютъ теперь русскіе граждане всяческой грязью въ свою же армію. Есть у нея много грѣховъ, но этотъ грѣхъ, одинъ изъ горшихъ, лежитъ не на ея душѣ, а на душѣ и совѣсти всего русскаго строя. Не виновата армія въ томъ, что ей даютъ неграмотнаго, темнаго, безыдейнаго мужика, не виновата она въ томъ, что вся ея работа по прививкѣ не только солдатства, но даже гражданства, слетаетъ какъ гримъ, едва, лишь вѣяніе деревни, города и фабрики снова коснется ея воспитанниковъ, не виновата она въ томъ, что низшіе классы (да и низшіе ли только?) не проникнуты идеей сознанія долга передъ государствомъ и воинскую повинность считаютъ насиліемъ и службу подъ знаменами — рабствомъ. Армія сдѣлала больше чѣмъ слѣдовало, чтобы смягчить условія этого «рабства» и сдѣлала жизнь солдата чище, сытнѣе, и огражденнѣй отъ всякаго посягательства, чѣмъ жизнь мужика.

Не дѣло арміи быть школой грамоты—для этого не стоитъ брать человѣка изъ семьи и деревни. Не дѣло арміи воспитывать гражданство — это задача общества, всего государственнаго строя.

Пусть виновата армія во многомъ передъ обществомъ.

Но виноваты и тѣ, кто намъ давалъ темныхъ, если еще не развращенныхъ учениемъ, людей, кто ставилъ насъ въ необходимость выбирать унтеръ-офицеровъ не изъ лучшихъ людей, а изъ грамотныхъ, кто съ ненавистью, легкимъ соблазномъ срывалъ съ нашихъ воспитанниковъ все привитое имъ на службѣ, кто лишилъ насъ запаса, кто тончайшими ядами и жесточайшими ударами развращали и убивали нашъ духъ съ первыхъ же дней этой несчастной войны.

Подѣлимтесь грѣхами и не будемъ забывать, что въ солдатѣ живетъ духъ простолюдина, въ офицерѣ духъ русскаго общества и что война требуетъ «напряженія всѣхъ силъ государства», а не только арміи. Всѣ мы воевали, всѣ и виноваты. Сказалъ когда-то городничій: «надъ кѣмъ смѣтеть? Надъ собой смѣтеть!» Такъ и теперь бы сказалъ: кого обвиняете?...

6-го *юля*. Сегодня у насъ было повтореніе «праздника». Къ обѣду были приглашены всѣ сестры и врачи 3-го и 85-го подвижныхъ госпиталей и лазарета Вятской общины «Краснаго Креста». Игралъ оркестръ Кирсановскаго полка подъ управленіемъ капельмейстера заурядъ-прапорщика, за обѣдомъ кричали «тронь», гуляли по саду, пили чай на дворикѣ; былъ чудный вечеръ, командующій опять держался «рыцаремъ»,—все было такъ же, какъ и прошлый разъ, только безъ пѣвцовъ и безъ доброй старушки Александры Ивановны. Мнѣ вспоминалось, какъ тогда я велъ ее подъ руку къ столу, а теперь—она лежитъ уже въ своей могилѣ на Харбинскомъ кладбищѣ...

Сегодня за столомъ я сидѣлъ съ сестрами 3-го госпиталя—Н. и П. и 85-го Б. Сестра Н.—ва-волонтерка; это барышня лѣтъ 30 съ такимъ обворожительно умнымъ, красивымъ, тонкимъ лицомъ и съ такими дивными, хоть и строгими для тѣхъ, кому не улыбаются, глазами, что я не забуду ихъ долго. П.—подруга моего друга дѣтства, сестра офицера кавалерійской школы; Б.—жгучая брюнетка, почти красавица, съ георгіевской ленточкой въ петлицѣ. Эти сестры, сестра 85-го госпиталя М-ше С., очаровательная блондинка съ голубыми глазами, умная, и женственно изящная, и нѣкоторыя другія — это аристократическая группа сестеръ.

Я спрашивалъ Н.—уполномоченнаго «Краснаго Креста» при нашей арміи, подбираютъ ли сестеръ извѣстнаго круга по госпиталямъ? Онъ отвѣтилъ, что подбираютъ, но не вполне.

— Вполнѣ нельзя и на каждый госпиталь, гдѣ служатъ сестры изъ общества, приходится давать одну-двухъ изъ простыхъ. Какъ никакъ, а все-таки простыя работаютъ продуктивнѣй и... не отказываются отъ черной работы.

7-го *юля*. Сегодня получилъ письмо отъ бывшаго однополчанина Эдуарда В. изъ 1-го Сибирскаго корпуса.

«... Разговоры о мирѣ всѣхъ приводятъ въ полное отчаяніе. Неужели теперь, когда сравнительно съ прежнимъ, армія сильнѣе, когда много неподходящихъ элементовъ ее покинуло, когда вмѣсто многосемейныхъ запасныхъ прибываютъ новобранцы и охотники изъ старослужащихъ, когда слѣдомъ за новобранцами двигаются еще два корпуса,—заключать позорный миръ? Вѣдь вся предыдущая кампанія должна же была чему нибудь научить. Когда мы выдѣли за передовой линіей резервы? Теперь они выдѣлены. Трудно винить частныхъ лицъ, непосвященныхъ въ дѣло, когда они ратуютъ за миръ, считая войну безповоротно проигранной. Но надо принять мѣры къ проникновенію въ общество болѣе правильныхъ свѣдѣній. Съ одной стороны съ общественнымъ мнѣніемъ считаются на каждомъ шагу, а съ другой стороны дѣлается все, чтобы оно составило себѣ совершенно превратное представленіе. Представь себѣ, что умно и искусно собраны представители русской земли, которымъ новый военный министръ логически опровергнетъ всѣ сомнѣнія представителей, а министръ финансовъ изыщетъ новый источникъ для продолженія войны,—вѣдь Россія только чуть-чуть напряглась. Какая это была бы сила, если представители народа выскажутся за войну. Кто тогда посмѣетъ изъ-за угла кричать, что народъ истощенъ, народъ усталъ и не хочетъ веденія безцѣльной войны. Могли быть разные взгляды на причины войны, но разъ честь государства затронута, престижъ уничтоженъ,—то остановиться послѣ всѣхъ затратъ наполь пути—и малодушно, и неумно. Толкующіе, что нужно приготовиться къ новой войнѣ черезъ 10—15 лѣтъ, упускаютъ, что мы никогда не будемъ болѣе готовы, чѣмъ сейчасъ. Японія же разовьетъ свои силы и соотвѣтственно подготовитъ Китай. Убѣжденъ, что у насъ съ Тобой нѣтъ двухъ разныхъ взглядовъ по основному вопросу...»

Отвѣты на эти вопросы я давалъ уже много разъ въ своихъ дневникахъ. Сводя ихъ коротко, я говорю, какъ офицеръ и гражданинъ: надо продолжать войну во что бы то ни стало, армія въ лучшемъ состояніи, чѣмъ была. причинъ, дѣлающихъ побѣду не-

возможной, — нѣтъ, средства Россіи неистощимѣй, — она можетъ замучить Японію.

Въ половинѣ четвертаго мы выѣхали съ командующимъ на смотръ 2-й стрѣлковой бригады, закончившей разворачиваніе въ дивизію съ 4-хъ баталіонными полками.

Сопровождали семь ординарцевъ и я. Мнѣ командующій приказалъ быть лично при немъ и записывать всѣ замѣчанія.

День былъ жаркій, командующій чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо, «Рулетка» горячилась и тянула.

Новая дивизія стояла въ труднѣйшемъ для смотроваго выстраиванія, глубококомъ резервномъ порядкѣ, съ обозами 1 разряда и съ артилеріей (2 стр. дивизионъ) и пулеметной ротой во 2 линіи.

Навстрѣчу скачетъ уже знакомый намъ генераль П. съ почетнымъ рапортомъ.

Первымъ стоитъ полкъ безъ знамени. — Въ строю, быть можетъ, ни одного офицера изъ участниковъ несчастнаго боя, едва ли есть сотня старыхъ людей изъ прежняго состава, — весь полкъ сформированъ заново, чистъ и неповиненъ, но... во имя несправедливаго принципа наказанія для устрашенія другихъ, — онъ несетъ на себѣ весь гнетъ несчастія того погибшаго полка, который оставилъ ему въ наслѣдство свой номеръ. И только за это одно, за то, что эти новые офицеры и солдаты стали на мѣсто стараго полка, — они несутъ на себѣ тягчайшее воинское наказаніе. По легкомыслію, по невниманію къ сути вещей, а кто и по чувству злорадства, — многіе смотрятъ косо на этихъ стрѣлковъ, и рѣдко на кого вѣдетъ только грустью отъ бѣднаго обездоленнаго полка.

Мнѣ кажется, что можно было перевести въ дивизію на мѣсто погибшаго № полка какойнибудь другой съ отличной славой и назвать его хоть «новымъ №», на то же мѣсто сформировать совершенно новый, конечно, со знаменемъ, какъ подобааетъ полку.

Командующій объѣзжалъ внимательно каждый баталіонъ, проѣзжая часто черезъ строй между ротами, вглядываясь въ лица солдатъ.

Полки стояли прилично выровнявшись, хорошо держали ружья, отлично отвѣчали. Народъ почти сплошь молодой, часто встрѣчались веселыя, энергичныя, славныя лица, — но въ общемъ... они глядѣли не весело и не смотрѣли «стрѣлками». То здѣсь, то тамъ все время выводили заболѣвшихъ, обморочные лежали въ рядахъ,

на флангахъ суетились врачи и фельдшера, и наконецъ это стало настолько замѣтно, что командующій сталъ добиваться причины.— Дивизія была выведена, какъ доложили командующему въ 3 часа дня. Для полевого смотра люди были выведены на страшный солнцепекъ за два часа до объѣзда, и ужъ вѣрно, что не имѣли ни минуты покоя отъ криковъ «въ затылокъ! вправо и влѣво! Впередъ и назадъ!»!

Одна изъ главныхъ причинъ этой нашей старой болѣзни заблаговременнаго вывода на смотры большихъ отрядовъ,—построеніе пѣхоты въ глубокія колонны. Я сказалъ уже, что дивизія стояла въ резервномъ порядкѣ; пѣхотнымъ офицерамъ понятно, что за мука была равняться въ затылокъ третьимъ и четвертымъ баталіонамъ 7-го и 8-го полковъ. Поставьте дивизію въ линію баталіонныхъ колоннъ. еще лучше «каре или «покоемъ»,—и она устроится въ $\frac{1}{4}$ часа почти такъ же быстро и просто какъ одинъ баталіонъ.

За время объѣзда изъ строя дивизіи было выведено 263 солдата! Изъ нихъ 130 молодыхъ, только что пришедшихъ на укомплектованіе, и 70 запасныхъ.

Объѣзжая строй, командующій осматривалъ попутно и довольно зорко обмундированіе и снаряженіе. Недочетовъ много. Разворачиваніе исполнено, но только вчернѣ. Много еще бѣлыхъ рубашекъ, много бѣлыхъ чехловъ, многіе въ черныхъ фуражкахъ, мало баклагъ, съ недостаткомъ пожалуй на $\frac{1}{4}$ состава; всѣ въ сапогахъ, но вторая пара едва ли нашлась бы. Забракованныхъ ружей по 200 на полкъ. За то лопать больше чѣмъ людей,—двѣ запасныхъ повозки въ обозѣ.

Изъ разговора съ молодыми солдатами и докладовъ выяснилось, что молодые солдаты, прибывшіе изъ Россіи, прошли сокращенный курсъ стрѣльбы изъ 5 упражненій.

Объѣхавъ строй, командующій приказалъ положить людей и началъ осмотръ обоза. Здѣсь, какъ и можно было ожидать, мгновенно сказался старый кавалеристъ,—все вниманіе сосредоточилось на лошадяхъ.

На флангѣ артилеріи стояла знакомая намъ по первому смотру 2-я пулеметная «рота» капитана Соммера и затмѣвала сосѣднюю батарею съ полнымъ блескомъ, и людскимъ и конскимъ составомъ.

Курьезно, между прочимъ, что при обозѣ стрѣлковъ показывали, какъ чудо и новость, самодѣльный самоваръ на колесахъ. Даже и такая, ужъ казалось бы, родная намъ техническая придумка, не смотря на то, что ей 15 лѣтъ отъ роду, все еще не привилась въ русской арміи и сходитъ за диковинку.

Покончивъ объѣздъ, командующій вернулся къ фронту, сталъ въ интервалъ между двумя головными полками, приказалъ скомандовать на караулъ, и держалъ привѣственную рѣчь, поздравивъ стрѣлковъ съ превращеніемъ въ дивизію и закончивъ Царской здравицей.

Да, стрѣлки стали дивизіей и... стрѣлковъ больше не стало! Нѣтъ больше ни легкости, ни сплоченности двухъ-баталіонныхъ полковъ, нѣтъ больше стрѣлковаго искусства въ мало обученныхъ рядахъ, нѣтъ больше никакихъ стрѣлковыхъ традицій въ сборномъ офицерскомъ составѣ.

Есть молодость и свѣжесть въ солдатахъ, въ рукахъ у начальниковъ есть великолѣпный матеріалъ, изъ котораго можно было бы создать такую же дивизію.

Оркестръ игралъ гимнъ, стрѣльвовая дивизія охватилаь такимъ молодымъ и сильнымъ ура, какое мнѣ рѣдко приходилось слышать,—точно самъ Царь былъ съ нами. Когда гимнъ затихъ и ура замолкало въ дальнихъ рядахъ, командующій началъ новую рѣчь, но молодецкій крикъ новой волной рванулся впередъ, мгновенно разросся въ неудержимую никакими взмахами пашки силу и опять завоевалъ себѣ право славить Царя. Командующій улыбнулся, просіялъ и махнулъ оркестру. У солдатъ хватило силы и до послѣднихъ словъ нашей честной молитвы ура не стихало. Минута выдалась рѣдкая. Когда затихло, командующій держалъ вторую рѣчь о дани Японцамъ.

—...Таеъ что же, согласны ли вы быть данниками Японскаго Микадо?!..

П. даетъ шпоры коню, выносится къ командующему и хрипнть разноснымъ голосомъ:

— Никкогда, в. в.! Нне будетъ этого! Клянусь за всѣхъ...

Дальше подхватили солдаты и новое неудержимое ура. Опять напрасно махали пашками—стрѣлки еще долго не унимались.

Дальше была обычная здравица командующаго командиру корпуса и всѣмъ «отцамъ командирамъ» и здравица командующему.

Смотръ закончился церемоніальнымъ маршемъ...

Болѣе неудачнаго зрѣлища я еще не видалъ. Дивизія была поставлена поперекъ засохшихъ грядъ, съ оркестромъ подъ вѣтромъ, строй едва подавался впередъ, роты смѣшивались въ кучи, ноги мелькали въ разбродъ, внѣ всякаго согласія ни съ музыкой, ни съ сосѣдями, знамена остались на флангахъ, офицеры шли не весело... Тягостно было смотрѣть.

Артилерія, вопреки обычному впечатленію, радовала равнѣмъ и стройностью, проходя за пѣхотой.

Но за то апофеозъ церемоніальнаго марша былъ достоинъ хоть Марсоваго поля.

Впереди два конныхъ трубача играютъ согласно походъ. За ними стройно, дружно, спокойно съ тѣмъ сознаніемъ своего достоинства, которое передается офицеру-зрителю, легко и тихо, точно играя премудрымъ дѣломъ, подходили пулеметы. Впереди на благородныхъ рыжихъ коняхъ блестящіе офицеры, за ними на вороныхъ, идущихъ чуть не испанскимъ шагомъ, сухихъ и чуткихъ лошадейхъ молодцы ѣздовые, въ нитку восемь пулеметовъ на першеронахъ, убранныхъ въ черную упряжь, съ прислугой на передкахъ; вторымъ рядомъ ящики... лихой и дружный отвѣтъ «рады стараться!»—Это строй, это настоящее войско!

Съ поля всѣ части разошлись по бивакамъ. Остались только начальники и баталіонные командиры. Командующій собралъ всѣхъ къ себѣ и держалъ послѣднія рѣчи.

Сначала досталось кое кому за худыхъ лошадей.

— Къ этому дѣлу надо относиться горячо и заботливо. Надо такъ любить это дѣло, чтобы, если не хватаетъ казенныхъ денегъ на фуражъ,—своихъ не жалѣть. Если нѣтъ у васъ такого убѣжденія... Я требую, чтобы лошади были сыты!..

Голосъ опять растеть, залетаетъ на высшія ноты, напрягается и звенить уже, какъ кавалерійская команда.

— Во что-бы-то-ни-ста-ло! Говорю это въ послѣдній разъ! И не желалъ бы я вамъ доказать на дѣлѣ, до чего непреклонны мои приказанія и обѣщанія..

Затѣмъ была пауза, переходъ на минорныя ноты, успокоеніе и совершенно неожиданно такая глубокая, задушевная простая и искренняя рѣчь, какой я не ждалъ такъ внезапно. Она прозвучала, какъ лебединая пѣсня. Въ ней слышалось, что старый солдатъ, наболѣвшій душой, дошелъ до той высоты страданія, на какой уже

невозможны обычные формы и приемы, на какой только человеческій голосъ прямо изъ сердца можетъ выразить всю глубокую скорбь.

— Господа! Вы развернулись въ дивизию... Вы имѣте въ рукахъ часть могучую, полнорядную, молодую, одѣтую,.. Если Господь, наконецъ, благословить насъ сдвинуться впередъ,—вы имѣте средства поддержать свою стрѣлковую добрую славу. Но помните, что, пока непріятель даетъ намъ время, вы должны обучить своихъ людей и сдѣлать все, что можете, чтобы дать имъ духъ,— тотъ духъ, которымъ прежде славилась Русская Армія, который творилъ чудеса. Займите людей, станьте ближе къ нимъ, заведите гимнастику, игры, ведите ихъ такъ, чтобы они шли къ вамъ съ радостью. Веселите ихъ, разжигайте, бодрите,—у васъ молодежь въ рукахъ—вы все изъ нее можете сдѣлать. Но берегитесь формализма! Вамъ надо сжиться съ ними, господа офицеры! Командиру каждой части надо возвыситься до самоотверженной службы, до отреченія отъ всего что дорого, отъ всѣхъ своихъ личныхъ интересовъ и блага, и жить только своею частью, только однимъ сознаниемъ того великаго долга, который призвалъ насъ сюда... Людми владѣть надо сердцемъ и любовью, надо увидѣть въ нихъ *своихъ* родныхъ, въ самомъ искреннемъ и глубокомъ смыслѣ слова, надо стать имъ истиннымъ отцомъ—командиромъ и отречься отъ однихъ только дисциплинарныхъ мѣръ. Оставимъ нѣмцамъ владѣть и править формальной дисциплиной. Вы же владѣйте тѣмъ, что всегда составляло и честь, и славу, и гордость Русской арміи—сердечно й заботой и любовью къ солдату. Надо готовиться, господа! Мы близки къ самой высокой и самой, быть можетъ, тяжелой минутѣ *неоконченной* войны, когда надо будетъ напречь всѣ силы, чтобы не навлечь на себя позора и не упасть до гнуснаго имени данниковъ... Я вѣрю, что вамъ стыдно и обидно слышать передъ вашимъ строемъ эти слова, у васъ бьется сердце и сжимаются кулаки, когда вы слышите это слово конт-ри-буція... Такъ думайте же о томъ, работайте, не покладая рукъ, и готовьтесь какъ честные люди...

Меня трудно взять краснымъ словомъ, но здѣсь, когда баронъ говорилъ и все затихло, охваченное его настроеніемъ, и я почувствовалъ, что онъ взялъ за живое.

Вернулись въ 7 часовъ и обѣдали съ Командующимъ отдѣльно. Въ столовой представлялся только что пріѣхавшій изъ Россіи новый генералъ для порученій старый Нижегородецъ Панчулидзевъ.

У меня неожиданный гость—молодчина Максимъ Шаликовъ. Уже здоровъ, отъ раны только слѣдокъ на груди и снова ѣдетъ въ №-й полкъ, тотъ же спокойный, твердый и готовый еще «пострадать за Царя и Отечество». Есть между ними, и много, во истину святыхъ и безцѣнныхъ людей.

Крестикъ онъ носитъ немного сбоку, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пронизала пуля.

Б. Адамовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

